В. Б. Сокол

ПРЕОДОЛЕНИЕ РЕЛЯТИВИЗМА В ФИЛОСОФИИ СВЕРХЧУВСТВЕННОГО СЛУШАНИЯ: ОТ ВЕДИЙСКОЙ ШАБДЫ И ВОТ-БЫТИЯ М. ХАЙДЕГГЕРА К ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМУ СЛУШАНИЮ Г.-Х. ГАДАМЕРА

Автор предлагает версию преодоления тенденции релятивизма современной философии, обращая внимание на глубинные уровни познавательной деятельности человека, связанные со сверхчувственным слушанием, стоящим в исходной точке формирования гносеологического образа. Принципиально важно, что только после услышанного первообраза истинного знания строится так называемый «концептуальный каркас» субъекта познания (К. Поппер) посредством следующих за услышанным звуком мышления и перцепции. Сверхчувственное слушание, будучи трансцендентным по отношению к эмпирическому и рациональному уровням восприятия познающего человека, имеет способность преодолевать создаваемый ими этот «концептуальный каркас» и таким образом получать доступ к коррекции сверхчувственных уровней человеческого сознания, инициируя формирование других, принципиально новых «каркасов», разрушая при этом основанное на старых «каркасах» мировоззрение и таким путем полностью видоизменяя (расширяя) сферу познавательной деятельности субъекта. Таким образом, концептуальный каркас ограничивает пределы понимания субъектом коммуникации по отношении к Другому только в границах теоретического и эмпирического уровней познания, полностью высвобождая возможности взаимного проникновения в каркасные мировоззренческие структуры Другого на уровне сверхчувственного слушания-говорения, то есть в диалоге правильной философской беседы (Платон).

V. Sokol

RELATIVISM OVERCOMING IN SUPERSENSUAL HEARING PHILOSOPHY: FROM VEDANTIC SHABDA AND "HERE-BEING" OF M. HEIDEGGER TO HERMENEUTIC HEARING OF H.-G. GADAMER

The author of the article proposes a version of overcoming the relativism tendency of modern philosophy, paying attention to deep levels of cognitive activity of a person, connected with supersensual hearing, which is at the initial point of a gnoseological image formation. It is essentially important that only after hearing a prototype of true knowledge the so-called "conceptual skeleton" of a knowledge subject (K. Popper) is formed by means of subsequent thinking and perception. Being transcendental in relation to empirical and rational levels of perception of a cognising person, supersensual hearing has an ability to overcome this "conceptual skeleton" created by a person and thus to get an access to correction of supersensual levels of human consciousness, initiating formation of other essentially new "skeletons", meanwhile destroying the outlook based on old "skeletons" and completely altering (expanding) a sphere of cognitive activity of a subject. Consequently, the conceptual skeleton restricts a communication subject's limits of understanding in relation to the Other only within the bounds of theoretical and empirical levels of cognition, completely liberating opportunities of mutual penetration into skeleton world outlook structures of the Other at the level of supersensual hearing, that is, in a dialogue of correct philosophical conversations (Plato).

«Цель – бросить вызов релятивизму в самом широком смысле слова. Это тем более важно, что в наше время все возрастающая эскалация производства вооружений сделала дальнейшее существование человечества почти тождественным с достижением взаимопонимания между людьми»[1].

Так Карл Поппер начинает свою статью «Миф концептуального каркаса», в которой он определяет релятивизм как учение, согласно которому истина связана с имеющейся у нас совокупностью интеллектуальных предпосылок или с *концептуальным каркасом*[2]. Следовательно, истина может меняться при переходе от одного каркаса к другому. Другими словами, это учение утверждает невозможность взаимопонимания между различными культурами, поколениями или историческими периодами. Поппер утверждает, что ортодоксальность равносильна смерти познания. Разногласия, без сомнения, могут приводить к борьбе и даже к насилию, что весьма печально. Но разногласия могут приводить и к дискуссии, а это, по мнению Поппера, имеет непреходящее значение в познании: «...самый крупный шаг по направлению к более благополучной и мирной жизни был сделан, когда в войне мечей, а иногда и вместо нее, стала применяться и война слов. Именно поэтому обсуждаемая тема имеет практическое значение».

Преодолению релятивистских тенденций современной философии может способствовать онтологическое обоснование возможности полного разрушения всяких пределов взаимопонимания (концептуальных каркасов) во всех сферах коммуникативной деятельности человечества. В этом смысле представляется весьма перспективным обратиться к богатому наследию философии глубинных основ *слушания*, охватывающей мудрость всей человеческой цивилизации, от древности до наших дней. В данном исследовании мы сопоставим новую онтологию М. Хайдеггера, герменевтику Г. Гадамера и ведийскую гносеологию звукового познания через слушание от авторитета – *шабда* (в изложении Дживы Госвами)[3]. Под глубинным *слушанием* будет подразумеваться коммуникативный аспект диалога, общения, отношения к себе и Другому. Речь идет о

принципиальном *отношении человека к мыслям*, которые появляются в его уме и которые он может ***слышать*** от Других. Разумеется, имеется в виду не слушание физическим органом слуха колебаний воздуха звукового диапазона. Чтобы отмежеваться от подобной натуралистической интерпретации внутреннего слушания, целесообразно выделить его как ***сверхчувственный аспект слушания***, описываемый в истории западной философии в русле идей интуитивизма (А. Бергсон, Н. О. Лосский), в герменевтической рефлексии Г. Гадамера[4], а также в диалогической дидактике (Сократ прислушивается к своему внутреннему «демону»).

Платоновский Сократ определяет философию как «особую беседу», которая есть «высшее благо» (Апология, 39а) для каждого человека, «истинное благо» для государства и даже «истинное богослужение». Сам Платон в «силе, способности и умении беседовать» видит истинное предназначение философии, позволяющее ей *продолжить* разговаривать – спрашивать, слушать и отвечать – даже там, где все другие «так называемые искусства и науки» (Кратил, 511с) свои разговоры кончают, установив исходные положения своей области познания, методы их специальных занятий и т. д. Для истинного философа «основные положения» той или иной науки – всего лишь «предположения», он способен и должен уметь вернуть *утверждения* того или иного знания в *речь размышления,* в такой разговор, где всякий тезис гипотетичен, отвечает на чей-то вопрос и допускает дальнейшие вопросы. Здесь философ прямо противостоит в своей позиции даже идеологу, не говоря уже об ученом. И это противопоставление заложено в принципиальном *отношении человека к тем мыслям*, которые могут появляться в его уме и которые он может ***слышать*** от других. Сущность этого отношения онтологически касается именно природы ***сверхчувственного слушания***. *Философ с максимальным вниманием* ***слышит*** *свои мысли, теоретик (идеолог, ученый), наоборот, принципиально отключает* ***слушание*** *других мыслей, так как они разрушают логически конструируемый процесс наращивания, обоснования и развития какой-то одной, уже фиксированной мысли, запущенной в эксплуатацию*. Для ***слышащего*** философа очевидно, что истина одна, просто живой разум постоянно подтверждает ее бытие все новыми и новыми откровениями. Так, через почтительное *сверхчувственное слушание*, истинный философ способен понять и принять любую мысль, как от своего разума, так и от любого Другого. В такой культуре мышления и общения нет места релятивистской двойственности бытия[5].

М. Хайдеггер (1889–1976), а за ним и Г. Гадамер (1900–2002) в своих попытках описать жизненную динамику в глубинах бытия человеческого сознания прямо вышли на понятие «Слушания» в том же смысле, какой вкладывает в это понятие наше «слушание» и ведическая «шабда». В «Бытие и время» Хайдеггер определяет «Слушание» (так он сам этот процесс и называет: Hoeren) как конституитивное условие для «Речи», являющейся экзистенциальной возможностью осуществления «Вот-Бытия» (Dasein). Ключевым для понимания «фактичности» «Вот-Бытия» является у Хайдеггера понятие экзистенциальной «открытости» (Erschlossenheit), которое выражается в трех базовых формах или экзистенциальных возможностях (экзистенциалах), обладающих раскрывающей экзистенциальную природу «Вот-Бытия» силой:

- «расположенность» (Befindlichkeit);
- «понимание» (Verstlhen);
- «речь» (Rede).

Подобно тому, как «расположенность» – это всегда расположенность к пониманию, настроенность на него, а «понимание» – это настроенное на открытость мира уяснение его целостности, подобно этому и «речь» может быть понята как расположенная к миру артикуляция его понимания. Хайдеггер дает следующее обобщающее

определение экзистенциала речи: «Расположенная понятность бытия-в-мире выговаривает себя как речь»[6]. Под «речью» здесь подразумевается не онтический феномен «языка» как осуществления самого процесса говорения, но экзистенциально-онтологическая структура различных возможностей сообщения с другим и тем самым сосуществовать с ним «в мире». И среди этих возможностей Хайдеггер выделяет «Слушание» как конститутивное условие для «Речи». «Слушание» объясняется им как «экзистенциальная открытость присутствия как со-бытие для других». Поэтому «Речь» интерпретируется здесь как пространство совместного бытия. Экзистенциальная открытость или фактичность «Вот-Бытия» есть прежде всего открытость другому. Следовательно, «Речь» – это прежде всего услышанная речь»[7].

В фундаментальной онтологии «Бытия и времени» еще отсутствует тема языка в собственном смысле, что появится в «поздних» работах Хайдеггера. Здесь «Речь» осмысляется как экзистенциальная интерпретация феноменологической темы интерсубъективности. Поэтому «Слушание» описывается больше как процесс «закрепления» определенного уровня понимания, соответствующего определенному онтологическому пространству, или «Вот-Бытию», «расположенному» в какой-то части (орбите) бесконечного вселенского времени: «...Речь и слышание основаны в понимании. Последнее не возникает ни от многоречивости, ни от деловитого подставления ушей. Только кто уже понимает, умеет вслушаться...»[8]. Так через «Слушание» Хайдеггер замыкает определенное самодостаточное индивидуальное пространство Вот-Бытия для конкретной сознающей личности, которое можно назвать мини-вселенной, микрокосмом. Созревание этой целостности микрокосма дает познающему человеку ощущение полноценности существования с собой и с другими в данном «мире», но только *изнутри* своего микрокосма.

Другими словами, на этой стадии понимания процесса «Слушания» мы приходим к механизму формирования индивидуального «концептуального каркаса», который с точки зрения релятивизма навсегда обрекает индивида жить внутри этой «интеллектуальной тюрьмы», или микрокосма определенного Вот-Бытия. И здесь роль «Слушания» – это «закрыть последнюю дверь» в эту тюрьму или дать окончательный убеждающий аргумент через вычленение соответствующих звуковых форм именно тем основам, на которых человек *уже* стоит, *уже «расположен»*. Нас же интересует также механизм выхода из состоявшейся «расположенности» данного Вот-Бытия. Преодолевая релятивизм, мы должны показать, что при определенных, качественно иных условиях «Слушания» происходит изменение определенной «расположенности» Вот-Бытия, или, другими словами, смещение самодостаточно существующего микрокосма познающего индивида с привычной «орбиты» движения в пространстве бесконечного времени на другую (более широкую или более узкую) «орбиту», или, что суть то же самое, осуществить выход за пределы данной концептуальной схемы.

Хайдеггер приближается к этому, более широкому, толкованию «Слышимого» и понимаемого, как уже говорилось, в своих «поздних» трудах. Глубже анализируя проблему языка, Хайдеггер будет постоянно обращаться к одной мысли: «Речь – это язык бытия. Наше понимание, как и наш язык, в связи с этим – ответ на речь бытия»[9]. Хайдеггер начнет видеть, что «Слушание» есть не только условие для понимающего Вот-Бытия, но и средство для изменения одного «расположения» Вот-Бытия на другое «расположение». Это значит, что сфера «открытости» соответствующего Вот-Бытия миру фундаментально меняется и сознание субъекта начинает естественным образом ощущать «невидимые» (неосознаваемые) до этих пор сферы мира, переосмысливать кардинальным образом

все свое предшествующее понимание и, наконец, «Слышать» подтверждения этому «открытию» ото всех и отовсюду.

Так Хайдеггер приходит к базовому принципу ведийской гносеологии, который заключается в сущностном единстве онтологии и эпистемологии на основе *сверхчувственного звука («шабда»)*[10]. Отечественный востоковед Д. Б. Зильберман дает следующее описание четырех уровней *звука* (речи) в соответствии с Ригведой («чатвара-вак»)[11]. Речь на трансцендентном уровне *сверхчувственного звука (*para vac, или первый из четырех, самый тонкий уровень – «Звук-пара») он называет «Запредельной Речью» и считает, что она представляет вселенную. В понимании Зильбермана, Запредельная Речь существует в качестве знания реальности о себе, она структурирована в то же время в виде космоса, будучи vanmaya, составленной из слов. Далее para vac проявляет себя как pasyanti vac (речь от уровня *сверхчувственного звука* – «Звук-пашьянти», второго из четырех), которую Зильберман определяет как «зримое слово», отражающее космический аспект бытия и может быть также представлен комплексом «онтологических иллюстраций» (в хайдеггеровском смысле этого понятия)[12], или в «эйдетических формах» (в их первоначальной платоновской интерпретации). *Сверхчувственные звуки* слов этого уровня рассматриваются как «всегда готовые для демонстрации, показа», хотя на самом деле и невидимые нигде и никогда. Предназначение этой дистинкции между «трансцендентным» и «зримым» словом состоит в логическом подведении к возможности дифференциации в деятельности и посредством деятельности, хотя сама эта дифференциация на данной ступени еще не реализуется. При дальнейшей объективации проявляется madhyma vac («Звук-мадхьяма», третий из четырех), который Зильберман определяет как «посредствующее, связующее слово, которое можно охарактеризовать также как cittavrittis – завихрения мысли»: мысленные корреляты речи – понятия, выражаемые словами, когда мы их произносим. В космическом аспекте – это дифференцированная, но не артикулированная в средствах деятельность, которой еще надлежит попредметно обособиться. Madhyama vac – посредствующее звено между pasyanti и vaikhari vac (*звук* грубой речи «Звук-вайкхари», последний из четырех уровней «чатвари-вака»), т. е. структурно-языковым и вокализированным в речи словом, когда оно произносится голосовыми органами человека и при этом ситуативно соотносится с разными объектами предметного мира. Таким образом, именно уровни «пара», «пашьянти» и «мадхьяма» относятся к *сверхчувственному звуку* и подразумевают многоуровневое сверхчувственное восприятие (*слушание*).

Хайдеггер приходит к ведийскому постулату «Все покоится в звуке!» (Anfang – «начало»), обобщая свои интерпретации поэзии Гельдерлина (доклад «Гельдерлин и существо поэзии», прочитанный 2 апреля 1936 г. в Риме): «Когда боги именуются изначальным образом и сущность всех вещей находит для себя слово, тогда впервые высвечиваются вещи, а Dasein встает в устойчивое отношение и утверждается на твердом основании»[13]. Онтологические передвижения сознания в пределах Dasein у Хайдеггера фактически осуществляется, как было указано, посредством трех экзистенциалов, один из которых также понимается как «речь». В этом смысле Хайдеггер, не зная об онтологической силе санскритских мантр, говорит точно о том же, что Веды вкладывают в понятие «сету» – «мост» между уровнями сознания. Более того, Хайдеггер приходит к тому, что ставит «Слушание» (Hoeren) конституитивным условием для «речи» как экзистенциальной возможности Dasein, а это напрямую согласуется с ведической идеей духовного прогресса через «Слушание» мантр, которые также могут быть разных уровней в соответствии с уровнем несущего ими «Звука»; прогресса постепенного, 4-шаго-

вого, заключающегося в проникновении из сферы грубого звука «вайкхари» через вибрации тонкоматериального ума и разума (уровни «Звуков-мадхьяма» и «пашьянти») вплоть до осознавания чистой трансцендентной реальности («Звук-пара»).

Более глубоко уровень «Слушания», способный разомкнуть любой «концептуальный каркас», исследует уже Гадамер и его герменевтика. Гадамер вводит в анализ процесса познания деятельное измерение, в соответствии с которым понимание суть умение действовать соответственно социокультурному контексту. Причем понимается не смысл или текст, а *коммуникативно-деятельная ситуация*, в которой находится понимающий человек (это как раз то, что Поппер называет «дискуссией»). В этом отношении смысл создаваемой ситуации отличен от включенных в ситуацию готовых значений. Мы всегда понимаем не сделанное, а сделанным; и порождаемые смыслы схватываются в процедурах рефлексии. В своей фундаментальной работе «Истина и метод» Гадамер называет это герменевтическое состояние субъекта познания «*действенно-историческим сознанием*», которое имеет языковой характер[14].

Действенно-историческая основа понимания привела Гадамера к синтезису двух выявленных антитез. С одной стороны, существует процесс закрепления, фиксации определенной структуры когнитивной системы субъекта в пределах соответствующей концептуальной схемы (что связано с освоением определенной онтологической ниши соответствующего Вот-Бытия); с другой стороны, должен существовать механизм процесса радикального изменения достигнутого уровня понимания. Гадамер же показывает, что в акте понимания эти два, казалось бы, противоположных процесса действительно гармонично соединяются в единое взаимодополняющее целое. Уровень понимания, достигнутый на данный момент, накладывает онтологические и интерпретационные ограничения на объекты деятельного оперирования, но в то же время оставляет открытыми коммуникативные практики (или, другими словами, те же дискуссии, связанные со «Слушанием» друг друга носителей разных уровней понимания, отражающих различные герменевтические состояния субъектов). Коммуникация же позволяет выходить за пределы онтологических представлений и утвердившихся интерпретационных схем, в результате чего возникают новые контексты значений, запускаются новые интерпретации. В этом случае, непонимание означает проявление замкнутости мышления, следование догмам, неспособность осмыслить новые ситуации коммуникации. *В этом и проявляется синдром «теоретика», склонного развивать только фиксированные, неживые мысли, с необходимостью затормаживая при этом истинное «Слушание»*. Следовательно, условие понимания – разблокировка процессов мышления в коммуникативно-деятельных и рефлективных практиках. Гадамер открыто ставит своей задачей разоблачить ход мыслей, в соответствии с которым бессмысленно даже пытаться понять чуждое нам предание, так как это невозможно из-за нашей замкнутости в том языке, на котором мы сами говорим. Философ утверждает, что в действительности чувствительность нашего исторического сознания возвещает о прямо противоположном. Усилия, направленные на понимание и истолкование, всегда остаются осмысленными. В этом проявляется возвышенная всеобщность, с которой разум поднимается над ограниченностью всякой языковой фиксации: «...Герменевтический опыт является коррективом, с помощью которого мыслящий разум освобождается от оков языка, хотя сам этот опыт получает языковое выражение»[15].

Герменевтический опыт Гадамера онтологически опровергает традиционное философское понятие опыта, идущего еще от Аристотеля. По Гадамеру, аристотелевский опыт грешит невостребованностью философского проникновения в суть акта чувственного восприятия, что исходит из иг-

норирования первичности влияния состояния сознания на когнитивную систему человека, проявляющегося в том или ином комплексе привязанностей, пристрастий человека, его убеждений, системы ценностей и т. д. Гадамер назвал этот недостаток традиционной философии «потерей внутренней историчности опыта»[16]. Причину этого недостатка Гадамер видит в ошибочной ориентации философского понятия опыта исключительно на науку. В науке всякий опыт значим настолько, насколько он подтверждается экспериментом, т. е. на практике. Достоинство такого опыта покоится на принципиальной повторимости. А это значит, по Гадамеру, что опыт по сути своей как бы стирает свою историю. Аристотель склонял видеть всеобщность опыта, благодаря которому возникает всеобщность понятия и тем самым возможность науки. Гадамер считает, что сводить опыт исключительно к образованию понятий – значит упрощать процесс его осуществления. Рассматривать опыт с точки зрения результата – значит перескакивать через процесс опыта как такового, в привязанности к результату кроется причина ускользания сути опыта, т. е. его «историчности». Этот тип опыта Гадамер также называет диалектическим. И здесь важным источником является уже не Аристотель, а Гегель. В «Феноменологии духа» он показал, как сознание совершает свои опыты, и этот анализ очень привлек Хайдеггера. Гегель пишет: «Это диалектическое движение, совершаемое *сознанием в самом себе* как в отношении своего знания, так и в отношении своего предмета, и это есть, собственно говоря, то, что называется опытом». Хайдеггер справедливо указывал, что Гегель здесь не опыт интерпретирует диалектически, а, напротив, мыслит диалектическое из сущности опыта: «...Структура опыта, по Гегелю, состоит в *повороте сознания*, опыт тем самым есть диалектическое движение»[17].

Этот момент очень важен для нас, так как «Слушание», которое мы имеем в виду, влияет не просто на рецепторы уха, а именно на сознание, совершая в нем поворот к новому пред-пониманию (по Хайдеггеру), другими словами, имеет онтологически-экзистенциальную природу. Наше «Слушание» – это опыт в его «внутренней историчности» (по Гадамеру), имеющий доступ к сознанию и способный совершить в сознании «диалектическое движение» (Гегель). Наше «Слушание» и «Звук» имеют дело с сознанием познающего слушающего. Именно поэтому «Слушание» способно изменить платформу познания человека в принципе, как мировоззрение в целом.

В чем же заключается деятельное проявление этого герменевтического опыта, способного корректировать разум, высвобождая его из оков определенных концептуальных схем (например, языка), хотя и оставляя при этом выражение в той же концептуальной системе (в данном случае, языковое выражение)? Что же дает опыту одновременно деятельное и коммуникативное начало? Гадамер, обозначая эту суть, применяет слово Horen, т. е. «Слушание» (!):

«... мы должны принять во внимание специфическую диалектику, свойственную слушанию. Дело не только в том, что к тому, кто слушает, так сказать, обращаются. Скорее тот, к кому обращаются, *должен* слушать, хочет он или нет. Он не может не слушать, «слушать в сторону», подобно тому, как мы не смотрим на кого-либо, «смотрим в сторону», меняя направление взгляда. Это различие между зрением и слухом важно для нас потому, что в основе герменевтического феномена, как показал уже Аристотель, лежит преимущественно значение слуха... В свете нашей герменевтической постановки вопроса эта старая истина о превосходстве слуха над зрением получает совершенно новое значение... Смысл герменевтического опыта скорее в том, что в отличие от всякого иного опыта мира язык раскрывает *совершенно новое измерение*, измерение глубины, откуда и доходит предание до живущих в настоящем людей»[18].

В итоге мы сталкиваемся с двумя, противостоящими друг другу, силами влияния «Слушания» на сознание познающего субъекта. С одной стороны, «Звук», несущий значение (смысл), фиксирует «расположение» сознания (в экзистенциальном смысле) в определенном Вот-Бытии (концептуальном каркасе). С другой стороны, через коммуникацию (дискуссию как обмен «Слушанием») «Звук» размыкает «блоки мышления», снимая онтологические и интерпретационные ограничения в понимании мира. Другими словами, существует пространство бытия, где эти противодействующие силы соединяются в «синтезис», объединяющий их в единонаправленное (да еще и удвоенное по силе) русло, несущее атом сознания к единой истине. Это пространство – обнаруженное Зильберманом модальное состояние мышления, в котором человек может «двинуться меж разных философий в третий путь, никогда и никем не подозреваемый ранее...»[19]. Оно же – в открытии Гадамером особого рода опыта, который он называет «герменевтическим свершением» – опыт «деятельной коммуникации». Наконец, это же пространство – в «шабде», ведической интерпретации главной познавательной способности человеческого сознания, которое еще называют «бхакти» – состояние откровения в деятельности преданного служения Истине, центром которой является служение трансцендентному «Звуку» (философия Шри Чайтанйи). В процессе проявления исключительной свободы герменевтического опыта из «Слышимого» текста, оформленного внутри привычной концептуальной схемы, исходит новое смысловое содержание, которое при этом понимается, так как «Слушающий» субъект познания обретает соответствующее бытийное «расположение» (новое Вот-Бытие).

Мы приходим к выводу о тотальном влиянии «Слушания» на сознание человека. В одно и то же время «Слушание» закрепляет человека на определенной «орбите» бытия, но также в случае метода деятельного познания при герменевтическом «Слушании» предоставляет ему полную свободу выбора в ничем не ограниченном праве существовать в любой сфере бытия, а значит, и в любой сфере понимания.

С другой стороны, реализуя знание о законах процесса «Слушания», субъект познания получает возможность избирательного «Слушания» или свободы в целенаправленном продвижении от низших форм сознания (низших форм «Звука») к высшим формам бытия, обретая, таким образом, прямой смысл своего познания: приближение к истине, отдаляясь от хаоса невежества.

Наконец, в контексте преодоления релятивистского гносеологического субъективизма, на основе проведенного сопоставления *можно утверждать, что наряду с эмпирической и рациональной сферами познавательной деятельности человеческого сознания, сверхчувственное слушание является не менее могущественным фактором формирования индивидуального мировоззрения субъекта познания. Сверхчувственное слушание, будучи трансцендентным по отношению к эмпирическому и рациональному уровням восприятия познающего человека, имеет способность преодолевать создаваемый ими так называемый «концептуальный каркас» (К. Поппер) и таким образом получать доступ к влиянию на самые глубинные пласты сознания человека. Обладая потенцией корректировать сверхчувственные уровни человеческого сознания, сверхчувственное слушание может инициировать формирование других, принципиально новых «концептуальных каркасов», разрушая при этом основанное на старых «каркасах» мировоззрение и таким путем полностью видоизменяя всю парадигму (в куновском понимании) познавательной деятельности субъекта, включающей в том числе эмпирико-рациональные категории и схемы.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Поппер К.* Миф концептуального каркаса // Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – С. 10.

[2] Там же. С. 10–30.

[3] *Jiva Gosvami.* Sri Tattva Sandarbha. – New Delhi: Rekha Printed Pvt. Ltd., 1995. P. 17.

[4] *Гадамер Г.-Х.* Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – С. 534.

[5] Чтобы избежать путаницы в дальнейших рассуждениях сразу введем несколько понятий:

- «сверхчувственный аспект слушания» как «идеальный объект» слушания будем обозначать как «Слушание» (слушание в кавычках и с большой буквы),
- «сверхчувственный аспект звука» как «идеальный объект» звука будем обозначать как «Звук» (звук в кавычках и с большой буквы).

[6] *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: AD Marginem,1997. – С. 161.

[7] Там же. С. 163.

[8] Там же.

[9] *Ставцев С. Н.* Введение в философию Хайдеггера. – СПб.: Лань, 2000. С. 74.

[10] *Jiva Gosvami.* Op. cit. P. 17.

[11] *Зильберман Д. Б.* Генезис значения в философии индуизма. – М.: Эдиториал Урсс, 1998. – С. 161.

[12] *Heidegger M.* An Introduction to Metaphysics. – New Haven: Yale University Press, 1973.

[13] *Heidegger M.* Erlauterungen zu Hoelderlins Dichtung. – Frankfurt/M., 1951. – P. 38.

[14] *Гадамер Г.-Х.* Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. С. 452.

[15] Там же. С. 468.

[16] Там же. С. 409–421.

[17] Там же. С. 420.

[18] Там же. С. 534.

[19] *Зильберман Д. Б.* Указ. соч. С. 4.